

Три дня в музее

В конце минувшего года неожиданно-негаданно выпал шанс пожить пару дней в удивительном месте – в Этнографическом парке истории реки Чусовой.

Еду в Чусовой

Этнопарк – это уникальный музей под открытым небом и одновременно естественное продолжение спортивной школы олимпийского резерва «Огонёк». И то, и другое – дело всей жизни **Леонарда Постникова**, подвижника спорта и культуры, которого ещё при жизни называли великим. И этот поразительно редкий случай, когда человек действительно был великим безо всяких скидок. Он создал выдающуюся спортивную школу и «пристроил» к ней уникальный этнопарк, чтобы воспитанники «Огонька» развивались не только физически, но и духовно, интеллектуально. Он объединил вокруг себя художников, писателей, спортсменов, поэтов, политиков и правозащитников. И всё это так напоминает другого Леонардо, только итальянского!..

25 декабря я поехал в Чусовую, заранее договорившись с директором парка **Ольгой Постниковой** – дочерью Леонарда Дмитриевича. У самого въезда в город попросил водителя остановить автобус, и направился в парк пешком. Иду, и самому не верится – вокруг концентрированный Урал, красота силы и простоты. Дорога зажата между еловыми холмами, и как-то сама собой вспомнилась сказка «Два брата» **Евгения Шварца**, потому что именно в таких местах и разочаривалось её действие: тишина, испещрённый звериными следами снег и скромная хвойная зелень. После нервных Березников тут можно оглохнуть от падения шишки в сугроб. Вскоре дорога повернула влево, показалась сторожевая будка, а за ней – пункт назначения. С высоты этот тандем физического и культурного наверняка напоминает подкову: слева «Огонёк», справа этнопарк. И они плавно сливаются, физически вплотную свехидею Леонарда Постникова.

Ольга Леонардовна стояла возле террасы великолепного гостевого домика и помогала известному в Чусовом фотографу **Виталию Суслову** крепить к стене новогодние и рождественские открытки. Особенно шикарные были выполнены в советском стиле – мощная цветовая гамма, классические образы новогодних героев, строгий шрифт.

– Здравствуйте, Александр, –

сказала она. – Как доехали?

– Здравствуйте. Хорошо.

– Знакомьтесь, это Виталий.

Мы с Виталием пожали друг другу руки, хотя уже давно знакомы, и я почувствовал себя глупо. Сразу после приветствий меня определили в этот самый гостевой дом, на первый этаж. Это могучее, выложенное из брёвен строение в два этажа высотой, плюс мансарда, не считая уютной террасы и мангала при ней. Обстановка внутри простая, ничего лишнего: диван, стол и стулья, пара двухъярусных кроватей. Телевизор, холодильник, микроволновка, посуда, мойка – всё есть. Живи. Быстро расквартировавшись, я вышел на улицу.

Поселился я напротив настоящей крестьянской избы, а рядом с нею (загибайте пальцы): пожарная станция, сельская лавка, кузница, балаган, музей Ермака и пара мрачноватых церквей, в которых хоть сейчас «Вия» снимай. Всё образца XIX века, всё тёмненькое, познавшее время, дожди и зной. И всё настоящее. Причём этнопарк позиционируется как музей, где всё можно трогать руками. В автобусе поспать не сумел, поэтому сразу, как набросал в блокнот первые впечатления, лёг спать.

Снилась всякая ерунда: будто я здесь, в этнопарке, но в каком-то другом доме, а его в это время равняют с землёй. Еле успел выскочить, и проснулся от обиды на всё человечество в 16:10. Сразу вспомнил, что с утра ничего не ел.

Кафе «У заснувшего журналиста»

Перед поездкой меня предупредили: возьми с собой запас провизии. Но я понадеялся на деньги и кафе, которое здесь наверняка есть, раз уж тут обитают спортсмены и проводятся экскурсии. Да, ещё в этнопарке недавно появилась чайная изба, где можно угоститься блинами и, собственно, чаем. Она располагалась всего в десятке метров от гостевого дома, поэтому первым делом я зашёл туда. Блинов никто не пёк, зато я обнаружил там Ольгу Леонардовну. Она вручную, в одиночестве, делала матерчатые ёлочные игрушки.

– Это от бедности, – сказала она полушутя.

Мы немного поговорили о

том, как идёт развитие этнопарка, и Ольга Леонардовна вскользь обрисовала парадоксальную ситуацию: иногородние приезжают сюда гораздо чаще, чем чусовляне. А всё потому, что ни один автобус из Чусового сюда не ездит. Печально.

– А по каким дням работает чайная? – спросил я невпопад.

– По выходным, – ответила Ольга Леонардовна и добавила жалостливо: – Так ты ничего не взял с собой поесть?

– Взял, – соврал я. – Просто набираю информацию для очерка.

– Завтра в 15.30 будет экскурсия, приходи.

– Хорошо.

Вскоре я пошёл на поиски кафе, но снова увлёкся местными достопримечательностями и долго расхаживал в надвигающихся сумерках, пока не почувствовал сонливость. «Завтра найду», – в конце концов подумал я, и вернулся домой, чувствуя себя господином землемером из «Замка» Кафки.

Но спать не лёг: какой тут сон, вот-вот начнётся сахарно-кофеиновая ломка. В отчаянии полез в шкаф и обнаружил там пакетик брусничного киселя. Спасён! Я сварил его, добавив пару найденных в том же шкафу ложек сахара, и провёл остаток вечера, потягивая ароматную сладость. За это время написал пару юморесок и отточил замысел будущей повести, которую всё равно вряд ли стану писать.

Кстати, зимняя ночь в этнопарке начинается в пять часов вечера – когда все уезжают, и ты остаёшься один. Но тьме музей под открытым небом выглядит ещё внушительнее: кресты и купола церквей рельефно выделяются на фоне луны и багрового неба. Горы, на которых весь день рассекали лыжники, освещены фонарями. Фантастическое зрелище. И никого. Только местный пёс бегаёт, безбидный, как его коллега в мультике про «шассию».

Кто-то из ночевавших в этнопарке журналистов писал, что проснулся от криков гусей, что живут в крестьянской избе, но меня разбудили не гуси, а жажда. Оказывается, кисель сушит не хуже портвейна. Напившись воды, я бухнулся спать обратно. Приятно было вновь ощутить себя студентом.

Стадо баранов

Утром я первым делом нашёл кафе и перекусил, а потом весь день писал и думал, на полную катушку воспользовавшись тишиной и покоем. В перерыве снова забрёл в кафе и поел, закупив на вечер чай с сахаром. Добрая буфетчица ещё и лимон дала за счёт заведения – Новый год на носу, и все очень добродушны. Узнав, что я понаехавший журналист, передала привет Березникам – у неё тут много знакомых.

В 15:30 сытый и распаренный я вышел из дома, прошёл мимо балагана и карусели к вахте, откуда начинаются экскурсии. И вскоре началось страшное: поглядеть на этнопарк приехали не отдыхающие пенсионеры, как я надеялся, а орда молодой саранчи – великовозрастные лбы лет 19 – 20 из пермской школы олимпийского резерва. На улице минус 15, а почти все они без шапок, в каких-то легкомысленных кроссовочках и штанишках в обтяжку. Эти штаны еле-еле прикрывали икры, и я задался вопросом, не ошиблись ли ребята временем года.

Вели себя безобразно, будто с цепи сорвались. Экскурсовод **Ксения** – невысокая бойкая девушка – выбивалась из сил, пытаясь перекричать этих оглоедов. Уже в первой точке экскурсионного маршрута – в музее Ермака – моё терпение начало потрескивать. Пока Ксения эффектно показывала, что такое кистень и почему он так страшен в бою, эти, извиняюсь, бараны разбились на группки, смело говорили о чём-то своём и матерились, нисколько не стесняясь ни стоящего неподалёку учителя, ни экскурсовода, ни доктора бутербродной журналистики.

Один из будущих чемпионов мира (нет, не дай бог...) принялся махать висящую рядом кольчугу и воскликнул:

– Е..ть она тяжёлая!

Тут я не выдержал и гавкнул на него. Он и его поделники притихли, но остальные продолжали гундосить, и я начал поглядывать на кистень уже с другим интересом – как на орудие перепитания. Когда Ксения разрешила фотографироваться рядом с экспонатами и брать их в руки, в музее начался крошечный ад, и я поспешил выйти из обезьянника.

Следующей остановкой была пожарная станция с куклой пожарного на самой верхотуре. Ксе-

ния остановилась возле колокола и ударила в него.

– Это рында, – сказала Ксения. – В неё били, когда...

Тут какой-то салага сделал вид, что не расслышал слово «рында»:

– «Рондо»? – спросил он в полный голос у своего товарища. – У неё есть «Рондо»?

Отличная шутка, парень. Молодец.

Плюнув на это дело (нервы дороже), я эвакуировался и обнаружил возле лавки Ольгу Леонардовну.

– Сбежал? – улыбнулась она.

– Сил нет терпеть такое. Никакого уважения к чужому труду, никакой дисциплины, никакого интереса, ни-че-го. Кто их только сюда потащил...

Она кивнула, рассказав один случай. Как-то раз в этнопарк прибыли сразу две группы посетителей: одна из какого-то престижного пермского лицея, а другая из интерната, где живут и учатся дети с некоторыми особенностями развития. Ольга Леонардовна отметила, что когда обе группы смешались, уже непонятно было, кто откуда – вели себя одинаково варварски.

В гостевой домик я вернулся с тяжёлым сердцем, и сразу выплеснул ярость в дневник. Минут через десять вышел на террасу и увидел, как эти идиоты с гиканьем катаются на карусели. Дитятки. А когда они уходили, и последний из них попытался пнуть того безбидного пса, про которого я писал выше. Что ж... Желаю вам, ребята, весьма скромных достижений. Когда-нибудь к вам придёт журналист, и пусть он так же, зевая, ругаясь, интересуясь только будущим гонораром, а не вами, будет брать у вас интервью. Вы этого заслуживаете.

Утром последнего дня в этнопарке я проснулся с желанием расчесать бороду, починить упряжь, дать лошалям овса, а коровам – сена. Но вспомнил, что всего лишь журналист, собрал рюкзак и уехал.

Несмотря на случившееся настроение – а на экскурсии я увидел будущее нашей страны – уезжал посвежевший, с новыми силами.

Большое спасибо Ольге Леонардовне за приют!

Александр БАБИН